

Amora Vex

Ведьмины Цветы

«Автор»

2026

Vex A.

Ведьмины Цветы / А. Vex — «Автор», 2026

Уютный дом на берегу моря, смех и тепло семейного очага — всё это было у Алёны и Милы, пока болезнь не подкралась к их маме. День за днём мама слабела, а привычные лекарства оставались бессильны. Так начинается их путешествие к волшебному саду ведьмы — месту, о котором в деревне говорят лишь шёпотом. Чтобы спасти маму, сёстрам предстоит пройти испытания, которые проверяют не силу, а сердце — и понять, что их главная магия кроется в сестринской любви и верности друг другу. Эта история о смелости, семейных узах и о том, что даже в самом тёмном волшебстве можно найти свет, если не отпускать руку того, кто рядом.

© Vex A., 2026

© Автор, 2026

Amora Vex Ведьмины Цветы

1

На самом краю земли, у холодного и сурового синего моря, раскинулся тихий городок под названием Озёрный Дол — будто забытый временем уголок, где ветер пел свои древние песни, а волны монотонно шептали что-то на непонятном языке. Море здесь казалось бескрайним и немного враждебным: его свинцовые воды то и дело вскипали белыми гребнями, разбиваясь о тёмные скалы, выступавшие из воды, словно острые зубы морского чудовища.

Здесь, на сочных зелёных холмах, теснились маленькие домики с разноцветными стенами и яркими крышами, укрывавшими жителей от частых северных ветров. Каждый домик был словно отдельная история: у одних фасады были выкрашены в тёплые оттенки охры и терракоты, будто впитавшие последние лучи уходящего солнца, у других — в холодные голубые и серые тона, переключившиеся с цветом моря. Крыши, покрытые потемневшей от времени

черепицей или дранкой, слегка покосились под напором ветров, но в этом была своя уютная прелесть — казалось, что дома, как старые друзья, привыкли к капризам погоды и лишь поёживались, когда шторм набирал силу. Из труб кое-где поднимался лёгкий дымок, смешиваясь с морским туманом и придавая городку ещё больше очарования.

Прямо через весело журчащий ручей был перекинут старый деревянный мостик — его доски, отполированные тысячами шагов, слегка поскрипывали при каждом шаге, а перила, хоть и покосились, всё ещё хранили следы резного узора, который когда-то вырезал местный мастер. Именно за этим мостиком начиналась узкая тропа, уходящая прочь от побережья вглубь холмов; она петляла между валунами, поросшими мхом, и старыми берёзами с тонкими, почти прозрачными стволами. Тропа манила своей загадочностью: кто-то говорил, что она ведёт к заброшенной мельнице, скрытой в лесу, а кто-то уверял, что если идти по ней достаточно долго, можно выйти к маленькому озеру, в котором, по легенде, живёт дух воды.

В этом уединённом и мирном уголке текла спокойная жизнь Алёны, Милы и их мамы. Их домик стоял чуть в стороне от остальных, у самой опушки леса, и был покрашен в нежно-жёлтый цвет, который словно притягивал к себе редкие солнечные лучи. По утрам Алёна выбегала на крыльцо, чтобы вдохнуть свежий воздух, пахнувший морем и хвоей, а Мила, ещё сонная, прижималась к маминому плечу, пока та разливала по чашкам горячий травяной чай. Дни здесь текли неторопливо, каждый час был наполнен простыми радостями: прогулками по берегу, когда море отступало, оставляя после себя россыпи ракушек и гладких камешков; тихими вечерами, когда семья собиралась у камина, слушая мамины истории о далёких странах и морских приключениях; и долгими разговорами на мостике, где ветер, казалось, подсказывал самые важные слова. В Озёрном Доле время будто замедляло свой бег, позволяя каждому мгновению раскрыться во всей своей красоте.

Сгустившиеся над Озёрным Долем серые тучи, тяжёлые и низкие, будто сами небеса осели на прибрежные скалы, принесли с собой не просто северную прохладу — а настоящую чёрную беду, ту самую, что пробирается в дом не через распахнутую дверь, а сквозь незаметную щель, тихо, исподволь, чтобы обрушиться всей своей тяжестью в самый неподходящий миг. Ветер, ещё недавно шептавший в кронах старых берёз ласковые сказки, теперь выл, царапаясь в ставни, словно чуял, что в этом доме вот-вот погаснет главный свет.

В маленьком, уютном цветном домике на самом берегу моря, где всегда пахло сушёными травами, свежим хлебом и тёплым воском от свечей, внезапно воцарилась зловещая, давящая тишина — та самая, что страшнее любого крика. Она заползала в углы, оседала на полках, пряталась в складках занавесок и делала каждый шаг по половицам невыносимо громким. Даже огонь в камине, обычно весело потрескивавший, теперь шипел, будто сердился на то, что ему приходится бороться с этой неестественной тишиной.

Их любимая мама — всегда такая статная, сильная, согревавшая дочерей одним своим присутствием, словно сама была маленьким домашним солнцем, — очень сильно заболела. Болезнь пришла не с кашлем и не с лихорадкой, а с тихим, ледяным шагом, будто невидимый зимний морозок коснулся её сердца, забрав все жизненные силы и оставив после себя лишь хрупкую оболочку. Она слегла в постели, и тяжёлое шерстяное одеяло, когда-то уютное и надёжное, теперь казалось непосильной ношей для её ослабевшего тела — словно само тепло превратилось в тяжесть, которую она больше не могла нести.

Большие серо-голубые глаза, которые ещё вчера отражали счастье, искрились материнским теплом и любовью, теперь стали совсем погасшими, подёрнутыми мутной пеленой бессилия. В них больше не было той спокойной уверенности, которая могла одним взглядом унять любой страх; теперь в них застыла странная пустота — будто она смотрела куда-то сквозь стены, сквозь ветер и волны, туда, где граница между «сейчас» и «потом» становилась всё тоньше. И от этого взгляда у девочек сжималось сердце: ведь если даже мама, их тихая гавань, не могла больше держать шторм на расстоянии, то кто тогда мог?

Алёна, привыкшая быть опорой, теперь стояла у кровати, сжимая в руках ту самую веточку голубых цветов, и пыталась найти хоть одно правильное слово — такое, которое могло бы вернуть маме силы. Но слова рассыпались, как сухие листья, и она лишь крепче сжимала пальцы, стараясь не дать дрожи проникнуть в голос. Её собранность, всегда такая надёжная, вдруг показалась ей самой тонкой скорлупой, готовой треснуть от одного неверного движения.

Мила, обычно лёгкая и доверчивая, притихла. Она не крутила в пальцах ни камешков, ни цветов — её венок из последних летних цветов и осенних листьев лежал на столе, словно забытый. Она сидела на краешке стула, не сводя глаз с маминого лица, и время от времени осторожно касалась её руки, будто проверяя, не исчезла ли она совсем. В её глазах стояли слёзы, но она не плакала — потому что знала: если заплачет она, то сломается и Алёна. И тогда не останется никого, кто мог бы держать этот дом на месте, пока буря бушует за окном.

Однажды в дом пришёл врач — его позвали ещё на рассвете, когда первые лучи солнца, едва пробившись сквозь свинцовую пелену туч, лишь на мгновение позолотили гребни волн. Он явился, словно вестник из другого, более равнодушного мира: в тяжёлом дорожном плаще, потемневшем от брызг и ветра, с потрёпанным кожаным саквояжем, который, казалось, хранил в себе не только склянки и инструменты, но и груз чужих несбывшихся надежд. Его сапоги глухо стучали по половицам, и этот звук, чужой и резкий, резанул по натянутым нервам, будто нарушал саму священную тишину дома.

Он долго сидел у постели матери, склонившись над ней с той особой, почти благоговейной осторожностью, с какой прикасаются к чему-то хрупкому, что может рассыпаться от одного неловкого движения. Слушал дыхание, тихое и прерывистое, словно ветер, теряющийся в высокой траве. Шупал едва уловимый пульс, смотрел в её потускневшие глаза, будто пытался прочесть в них историю болезни, которую не опишешь ни в одной книге. Его пальцы были холодными, опытными и в то же время странно беспомощными — будто он знал все правила исцеления, но перед этой бедой они вдруг утратили силу.

Когда он наконец выпрямился, тяжёлый саквояж будто потянул его плечи вниз, а в уставших глазах мелькнуло то самое выражение, которого девочки боялись больше всего: не злость, не раздражение, а тихая, горькая беспомощность. Он медленно покачал головой — не резко, не демонстративно, а так, словно сам сопротивлялся этому жесту, будто надеялся, что голова не послушается и останется неподвижной. И тогда его голос прозвучал глухо, будто слова давались ему с трудом:

— Я не могу ей ничем помочь. Эта болезнь... она не из тех, что поддаются моим снадобьям и знаниям.

Его слова повисли в воздухе, тяжёлые и окончательные, как камни, брошенные в тихий пруд. Алёна почувствовала, как земля уходит из-под ног, но усилием воли заставила себя стоять прямо, лишь крепче сжала в пальцах веточку голубых цветов — единственное, что ещё связывало её с надеждой. Её серые глаза, обычно такие спокойные и мудрые, теперь горели упрямым, почти отчаянным огнём: она искала в словах врача лазейку, хоть намёк на возможность бороться, но не находила.

Мила не издала ни звука. Она просто застыла у изножья кровати, и её пальцы, всегда такие беспокойные, наконец замерли. Венок из летних цветов и осенних листьев, который она всё это время теребила, тихо скользнул на пол, и лепестки, ещё вчера такие яркие, теперь казались поблёкшими, словно впитали в себя эту внезапную безысходность. В её больших глазах не было слёз — только огромное, немое недоумение, как у ребёнка, которому впервые показали, что мир не всегда добр и справедлив.

И в этот миг дом будто стал ещё тише — так тихо бывает только перед самой сильной бурей. Ветер за окном всё выл, море всё билось о скалы, но внутри этой маленькой комнаты время словно остановилось, чтобы дать им прочувствовать всю тяжесть услышанного. Врач,

неловко потоптавшись, тихо собрал свои вещи, пробормотал какие-то слова утешения, которые прозвучали чуждо и беспомощно, и ушёл, оставив после себя лишь запах лекарств.

Дни потянулись длинной, серой чередой, и в доме на берегу всё переменялось — не резко, не с грохотом, а тихо, по крупице, словно сама жизнь осторожно перекладывала тяжесть с одних плеч на другие. Девочки теперь сами управлялись с хозяйством, и в этом новом порядке было столько старания, столько упрямой нежности, что даже опустевшие углы будто старались не мешать, не скрипеть лишний раз.

Мила, всегда такая лёгкая, теперь двигалась по дому с особенной, собранной сноровкой. Её быстрые, почти бесшумные шаги снова зазвучали в комнатах, но теперь в них слышалась не просто детская суетливость, а старательная, трогательная взрослость. Она ловко сметала пыль с полок, расставляла миски и чашки так, чтобы всё стояло ровно, будто от этого зависело, сохранится ли в доме хоть капля прежнего уюта. В её движениях не было прежней беззаботной рассеянности: каждый жест был точным, выверенным, словно она боялась, что любая небрежность может разрушить хрупкий порядок, который они пытались удержать. Даже венок из летних цветов и осенних листьев, когда-то небрежно сплетённый и вечно сбивавшийся набок, теперь лежал на комод акkuratно, как символ того, что она изо всех сил старается сохранить кусочек прежней жизни.

А Алёна брала на себя всё, что требовало силы и решимости. По утрам она разводила огонь в камине — и это было не просто привычное дело, а целый ритуал, в котором каждое полено, каждая искра значили что-то большее. Пламя разгоралось медленно, неохотно, словно сопротивлялось, но Алёна терпеливо дула на первые робкие язычки, шептала что-то себе под нос, и огонь, будто чувствуя её упорство, наконец вспыхивал, прогоняя мрак и сырость.

Потом она надевала свой дорожный костюм цвета левеющего мха и хвои, застёгивала прочные коричневые сапоги и выходила за порог. В городе она ходила от лавки к лавке, скупая самое необходимое: муку, соль, сушёную рыбу, коренья. Её спокойные серые глаза теперь смотрели на всё особенно внимательно — она запоминала цены, прикидывала, хватит ли отложенных монет, старалась не тратить лишнего.

Возвращаясь домой, она несла тяжелую корзину продуктов. И каждый раз, подходя к домику, она на мгновение задерживалась у порога, собираясь с силами, чтобы снова надеть маску спокойной уверенности — ту самую, которая была нужна Миле.

Вечерами, когда сумерки опускались на Озёрный Дол, Алёна готовила ужин. Это был не просто процесс — это была тихая битва с тревогой, с холодом, с ощущением, что мир стал слишком большим и слишком суровым. Она помешивала похлёбку в чугунном котелке, прислушиваясь к тому, как шипит и булькает еда, и старалась вложить в каждое движение всю свою заботу. Иногда, когда пар поднимался над кастрюлей, ей казалось, что в этом тёплом облаке мелькает мамин силуэт — на мгновение, как отголосок сна, — и тогда она крепче сжимала деревянную ложку, чтобы не дать слезам пробиться сквозь эту хрупкую иллюзию.

Мила накрывала на стол, расставляя тарелки и ложки с такой тщательностью, будто сервировка могла удержать семью вместе. Они садились друг напротив друга, и в эти минуты дом снова становился похожим на прежний: тёплый, живой, наполненный тихими разговорами и запахом еды. Алёна старалась говорить о чём-нибудь простом и хорошем — о том, как ветер сегодня гнал облака, как на тропе попала необычная ракушка, как в лесу мелькнула рыжая лиса. Мила слушала, кивала, иногда вставляла что-то своё, и на её лице мелькала слабая, но настоящая улыбка. И в эти мгновения казалось, что тьма отступает хотя бы на шаг, уступая место крохотному, упрямому свету.

А потом они шли к маминой комнате. Алёна тихо приоткрывала дверь, и они обе замирали на пороге, вглядываясь в полумрак, где на кровати лежала их мама — всё такая же родная, всё такая же любимая, но будто ставшая тоньше, прозрачнее, словно её удерживало в этом мире только их присутствие. Мила осторожно брала её руку, согревая своими ладошками, а

Алёна шептала что-то о том, как прошёл день, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. И мама, едва приоткрыв глаза, чуть заметно улыбалась — этой своей тихой, всё понимающей улыбкой, от которой у девочек сжималось сердце, но которая в то же время давала им силы держаться дальше.

Алёна иногда уходила подрабатывать, чтобы заработать хоть немного денег: помогала в рыбацкой артели перебирать сети, носила тяжёлые корзины с водорослями на сушку, чинила прохудившиеся ставни у одиноких стариков — брала любую работу, за которую платили медной монетой. Она возвращалась домой поздно, когда небо над морем становилось тёмно-синим, почти чёрным, а звёзды казались острыми осколками льда. Усталость налиwała руки свинцом, но она не позволяла себе присесть сразу: сначала тихо ставила корзину у порога, потом разжигала огонь, чтобы Мила не сидела в холоде, и только после этого опускалась на табурет, прикрывая на мгновение глаза, будто проверяя, не рассыпался ли за время её отсутствия тот хрупкий порядок, который они так старательно берегли.

И вот однажды, когда она возвращалась из города, волоча за собой тяжёлую корзину с остатками товара, который ей доверили донести до лавки, случайный обрывок разговора зацепил её слух. Два старика на углу переулка, кутаясь в потрёпанные плащи, шептались о старой женщине, что живёт на самой окраине Озёрного Дола, там, где тропа уходит в густой ельник и теряется среди валунов. Говорили, будто она знает травы, которых нет ни в одном травнике, будто в её саду растут цветы, распускающиеся только в лунные ночи, а отвары её способны поднять на ноги даже того, кого уже считали потерянным. В этих словах было столько надежды и столько суеверного страха, что Алёна замерла, забыв про тяжесть корзины, и прислушалась, стараясь не пропустить ни единого слова.

Старики говорили сбивчиво, с оговорками, будто боялись, что кто-то услышит и осудит их за эти рассказы. Кто-то шептал, что старуха — ведьма, кто-то — что она просто мудрая знахарка, слишком старая и слишком гордая, чтобы объяснять каждому, откуда у неё эти знания. Но одно было ясно: к ней шли те, кому больше некуда было идти. И в груди у Алёны что-то дрогнуло — то самое упрямое, отчаянное чувство, которое не давало ей сдаться.

На следующий день, едва рассвело, Алёна снова отправилась в город, но теперь её путь лежал не к рыбным складам и не к лавкам, а к окраине, туда, где дома становились всё реже, а воздух — гуще от запаха хвои и прелой листвы. Тропа петляла, уводя всё дальше от привычного мира, и с каждым шагом сердце Алёны билось всё быстрее — не от усталости, а от странной смеси надежды и страха. Она не знала, что скажет этой женщине, не знала, поверит ли та в её историю, не знала даже, правда ли всё, что о ней говорят. Но она знала одно: если есть хоть малейший шанс, она обязана его использовать.

На следующий день, едва рассвело, Алёна снова отправилась в город, но теперь её путь лежал не к рыбным складам и не к лавкам, а к окраине, туда, где дома становились всё реже, а воздух — гуще от запаха хвои и прелой листвы. Тропа петляла, уводя всё дальше от привычного мира, и с каждым шагом сердце Алёны билось всё быстрее — не от усталости, а от странной смеси надежды и страха. Она не знала, что скажет этой женщине, не знала, поверит ли та в её историю, не знала даже, правда ли всё, что о ней говорят. Но она знала одно: если есть хоть малейший шанс, она обязана его использовать.

Алёна шла так быстро и была настолько погружена в свои тревожные мысли, что далеко не сразу заметила шорох за спиной. Лишь когда тропа окончательно углубилась в туманный пригородный лес, старшая сестра обернулась и застыла от изумления.

Из-за раскидистого куста папоротника, виновато шмыгая носом, показалась Мила. Сестра тайно увязалась за ней с самого дома.

Алёна хотела было приказать Миле повернуть назад, но, взглянув на покрасневшее лицо младшей сестры, осеклась. В этой детской прыти и нескладном упрямстве крылась такая же отчаянная любовь к маме, как и в её собственной суровой решимости. Старшая сестра лишь

тяжело вздохнула, поправила воротник своего приталенного жилета и протянула Миле руку. И они пошли вместе.

Пройдя сквозь пелену густого тумана, Алёна и Мила замерли в изумлении. Перед ними открылся сад, о котором в Озёрном Доле шептались вполголоса, будто боялись спугнуть его странную, почти нездешнюю красоту. Утро уже вступало в свои права: небо на востоке наливалось нежно-розовым. Сад в этот час казался не таинственно-мрачным, а торжественно-прекрасным — словно сам мир замер на пороге нового дня, чтобы дать этому месту раскрыться во всей его удивительной силе.

Извилистые дорожки, выложенные гладким серым камнем, змеились между холмами, утопающими в пышной зелени. Повсюду — на клумбах, у корней вековых деревьев и на склонах — распускались дивные цветы. Одни сверкали в солнечных лучах, будто усыпанные крошечными бриллиантами росы, другие, с лепестками глубокого фиолетового оттенка, казались бархатными, хранящими в себе прохладу ушедшей ночи. Воздух был напоён свежестью, и каждый вдох наполнял лёгкие прохладой и пряным ароматом трав.

Мила невольно потянулась к россыпи нежно-голубых бутонов, так похожих на незабудки в руке её сестры. Любопытство пересилило осторожность: она сорвала один цветок, поднесла к лицу, вдыхая его запах — не сладкий и не пряный, а странный, будто пахнущий дождём и далёкими горами. И в тот же миг тишина сада дрогнула, словно кто-то провёл ладонью по туго натянутой струне. Роса на соседних стеблях чуть вздрогнула, а воздух будто стал плотнее, насыщеннее, будто сам сад на мгновение затаил дыхание.

Вокруг царила особая утренняя тишина — та, что бывает только в самом начале дня, когда мир ещё не наполнился привычными звуками. Не было ни жужжания пчёл, ни шелеста ветра, только редкие, едва слышные птичьи трели доносились откуда-то издалека, подчёркивая уединённость этого места. Сад освещался теперь не таинственными огнями, а мягким, живым светом восходящего солнца: его лучи скользили по крыше беседки, по тёмной черепице высокого дома, по гладким камням дорожек, делая видимыми мельчайшие детали — трещинки, мох, крошечные травинки, пробившиеся сквозь щели.

Сёстры сделали первый шаг по каменной тропе, и в этот момент из-за раскидистого куста бузины, почти сливаясь с игрой света и тени, появилась старуха. Она не вышла через калитку и не появилась из дверей дома — казалось, сама утренняя дымка сгустилась и приняла очертания человеческой фигуры.

На первый взгляд она казалась прекрасной девой, но присмотревшись, можно было заметить, как тяжелы её веки и как безжизненен взгляд. Она была стара как сам мир. На ней покоились пышные парчовые одежды цвета спелой тыквы и жухлой травы. Одежда скрывала её иссушенное временем тело, а длинные жемчужные нити на юбке мерно постукивали при каждом движении, отсчитывая мгновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.